

ПРИЗРАК

16+

Алексей Бородин

Алексей Бородин

Призрак

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Бородкин А. П.

Призрак / А. П. Бородкин — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Январь 1899 года. Через Атлантический океан движется пассажирское судно. Публику нельзя назвать милой; на борту собрался сброд, желающий задёшево попасть в Америку. Через две недели пути совершается преступление. Пострадала дочка мафиози дона Бартоломью. Капитан поручает расследование одному из пассажиров – девушке по имени Саломея. Почему именно ей? Она умеет общаться с призраками. На судне полно призраков, из них состоит большая часть команды. И это – только начало неприятностей. Мистика, триллер, детектив и хоррор перемешались в одну захватывающую историю.

Утром Сэл сказала, что у неё дурное настроение. Её мучали кошмары, она плохо спала и вообще:

– Давай сегодня никуда не пойдём? Провалиемся целый день в постели.

Я ответил, что от этого можно сойти с ума – целый день торчать в каюте. Сказал, что у нас и так слишком мало развлечений.

Она ответила, что я дурак. Так и сказала: "Коб, ты дурак!" и прибавила, что я ничего не вижу дальше собственного носа.

– Точнее видишь, но не хочешь видеть. А ещё точнее, смотришь, видишь, но не хочешь смириться.

Я спросил, о чём она болтает, но Сэл уже выскользнула из-под одеяла, накинула на плечи халат. Обожаю это мгновение, когда надевает свой полупрозрачный халатик: утренний оранжевый свет пронизывает ткань, виден контур обнаженного тела, соски груди – они появляются по очереди, Сэл поворачивается, застёгивая пуговицы, – первым возникает правый затем левый... просто театр кабуки в роскошно-сексуальной интерпретации.

В каюту заглянул дневальный, сказал, что кэп желает нас видеть. На вопрос: "Какого чёрта ему надо?" ответил, что капитан сильно расстроен.

– Даже пил ром!

Я посмотрел на мальчишку-дневального с насмешливой укоризной:

– Ого! Это действительно необычно! Он так редко это делает... всего лишь каждый день.

– Приказал, чтобы вы явились к нему, как можно быстрее.

– Чичас, – согласился я. – Только надену кеды. Чтобы в поворотах не заносило.

Дневальный пожал плечами, мол моё дело передать, а дальше поступайте, как хотите.

Я предложил Сэл позавтракать, она ответила, что не голодна, и вообще лучше поторопиться. Зачем дразнить гусей?

– Тогда пойдём к капитану?

Она кивнула. Сэл не успела накрасить брови и ресницы и потому походила на школьницу-выпускницу. Чуть наивную и ожидающую от долгой последующей жизни роскошных приключений.

Капитан трескал ром. Дневальный оказался прав, сегодня процедура принятия за воротник отличалась от обычной. С мертвецки спокойным лицом капитан наполнял кружку, вздыхал и с таким же философским спокойствием выпивал.

– Здравствуй, Саломея! – капитан обращался к моей напарнице. Меня он начисто игнорировал, даже руки не подал. Я не обиделся.

– Тут вот какое дело, – капитан говорил медленно, рассуждая. – Ты же общаешься с этими... – большим пальцем он показал за спину. – И я подумал...

– Что произошло? – спросила Сэл.

– Дельце приключилось на судне ху... – кэп икнул, – хуже не придумаешь. Долли Бартоломью изнасиловали.

Сэл ничего не сказала, только нахмурилась. Капитан постучал ногтями по столу и продолжил, размышляя с самим собой. Полагаю, он вытянул пару бутылок до нашего прихода.

– Если эту отвратительную выходку можно назвать изнасилованием. Скотина, Руперт, запудрил девице мозги, наплёл небылиц, что они станут играть в паровозики.

– Руперт? – удивился я. – Вы его поймали?

Кэп заглянул в кружку, увидел дно и сильно огорчился.

– Придумал же такое, мерзавец. Чух-чух! Паровозики! Как тебе это нравится? Впрочем, ей много не надо, мозги у девчонки, как у младенца.

К своим двадцати восьми (или около того) годам Долли Бартоломью имела роскошное тело здоровой зрелой женщины и мозги трёхлетнего ребёнка. Кэп сказал, что рассудком она напоминает попугая. Он видел такого в Глазго, в порту, у прокажённой гадалки.

– Весёлый был, шельма. Задорный. Хотя и воровливый.

– Чего вы хотите от меня? – спросила Саломея. – Насколько я понимаю, вы схватили насильника. Долли даст показания...

– Долли ничего не скажет, – перебил капитан. – Отец запрещает её допрашивать. Поэтому я хочу, чтобы ты нашла доказательства вины Руперта. – Мы с Сэл переглянулись. Я подумал, что сейчас мозги капитана напоминают попугайские. – Или доказала его невиновность. Понятно? Здесь действуют законы королевства! – кэп грохнул кружкой об стол. – И я гарантирую эти законы на своём судне! И никакой вонючий итальяшка не помешает мне судить подданного её величества! А значит, он имеет право на адвоката, на расследование и право быть повешенным. Понимаешь? Не зарезанным или линчёванным этими макаронниками, а повешенным по закону. Всё ясно?

Выговорившись, капитан нырнул под стол и загремел бутылками. Оттуда, снизу он рыкнул, что мы свободны. Он всё сказал, и более нас не задерживает.

Я взял Сэл за руку, и мы пошли к выходу. Было около одиннадцати – самое время для завтрака.

9 января 1899 года, пассажирское судно "Herald of freedom", отдало швартовы в порту Саутгемптона, втянуло в себя сходни, как глубоководный спрут втягивает в себя щупальца и вышло в бухту Саутгемптон-Уотер.

Только человек, обладающий тонкой извращённой фантазией (или напротив, не обладающий воображением вовсе) мог дать этому нелепому, грузному и неповоротливому судну такое название – глашатай свободы. Профилем "Герольд" напоминал одёжный шкаф, перевернутый набок и сильно изломанный – будто пьяный взбесившийся муж долго колотил по нему бейсбольной битой, полагая, что любовник жены заперся внутри.

Из бухты Саутгемптона "Герольд" намеревался попасть в Ламанш, пересечь его и стать на якорь в Шербуре, чтобы забрать купивших там билеты пассажиров. За Шербуром шла остановка в Лимерике – одёжный шкаф заполнял свои внутренности человеческими душами, и был готов пристать к любой стенке в любом порту, где бы нашлась хоть дюжина бедолаг, желающих пересечь Атлантику.

Какое-то время капитан серьёзно помышлял "заглянуть" на Азорские острова. Дабы пополнить трюмы питьевой водой и пассажирами.

– В главном он прав, – сказал я. – Если на судне совершено преступление, мы должны его расследовать.

– Как ты себе это представляешь? Расследовать раскрытое преступление?

– Ну... – я не знал что ответить, и подумал, что Сэл иногда бывает исключительно беспардонной. – Вскрытие покажет. Сейчас у нас два варианта: или осмотреть место преступления, или переговорить с подозреваемым.

– Он не подозреваемый, – отрезала Сэл. – Он преступник.

Руперт сидел на койке, подтянув к себе ноги и обхватив колени руками. Перед ним лежала раскрытая книга. Когда мы вошли, он поднял голову и посмотрел на нас сквозь круглые очки. Взгляд показался мне печальным. Не испуганным, не затравленным, а печальным. Весу в Руперте было килограмм шестьдесят, не больше.

"Матерь божья, – подумал я. – Если это насильник, то я просто бандит с большой дороги".

Пассажир второго класса, Руперт Струберри путешествовал с женой и сыном – это я выяснил из пассажирского журнала. Он оплатил двухместную каюту, вероятно из экономии. Я мысленно представил, как он спит, обняв сына. "Или жену. Они могли спать на одной койке, а сын имел отдельное, роскошное лежбище – десятилетнему мальчишке здешняя койка покажется необъятной".

– Что с вашей женой, Руперт? – спросил я. – Где ваш сын?

Руперт потёр рукой лоб, снял очки. Без очков он выглядел старше.

– Я... я не знаю, сэр, – произнёс растеряно. – Разве у меня была жена? Сын?

– Полагаю, что да. Во всяком случае, так написано в реестре пассажиров.

Сэл сложила на груди руки, стала у двери, как изваяние. Римский легионер, ни дать, ни взять: ноздри раздуты, в глазах вспыхивают молнии.

– Капитан сообщил, что вы совершили преступление. Вы это подтверждаете?

Я посмотрел на напарницу с удивлением: "Кто учил её вести допросы? Какой-то кошмар!"

– Саломея хотела спросить, как вы провели тот день? Расскажите по порядку с самого утра. Не опуская подробностей.

История получилась самая заурядная. Руперт проснулся, умылся, поговорил с миссис Шульц – соседкой по каюте. Соседка угостила его тостом с мармеладом; Руперт съел его в своей каюте, в одиночку. После этого три часа читал, покуда вновь не почувствовал голод. Спустился в столовую третьего класса – кормят там хуже, но значительно дешевле. Руперт признался, что ограничен в средствах.

– Мне нахамил один джентльмен, – сказал Руперт. – Кажется, из рабочих. Он был одет в чёрную куртку и грубые ботинки, в таких ходят кочегары.

Я кивнул и попросил продолжать.

Во второй половине дня сильно качало, он вышел на воздух, чтобы проветриться.

– Ага, – поддакнул я. – Повисеть на леерах. Вернуть океану съеденный обед.

Руперт не расслышал моей подначки, или не откликнулся на неё.

– Солнце к тому времени опустилось, демонически нависало над самыми облаками. И облака были такими... дивными. Пылающее солнце, угольно-белые облака. Помните сонет Рильке: Облики мира, как облака/тихо уплыли./Все, что вершится, уводит века/в первые были.

– Ближе к делу, – подала голос Сэл.

Побывав на воздухе, Руперт почувствовал себя лучше и пошел в бар. Не для того, чтобы выпить, но чтобы скоротать время. Заказал порцию виски – чтобы не выделяться, – и целый час цедил её. Даже задремал.

– Дай угадаю, – ухмыльнулась Сэл. – В баре к тебе подошел приятель, который играет в оркестре на банджо, и угостил двойным "Тропическим", который ты тут же выпил, несмотря на принципы, и основательно захмелел. Что было дальше, ты не помнишь.

Тон Саломеи мне не понравился, но вмешиваться я не стал, тем более что Руперт вытаращил глаза и сказал, что так и было. Он не знает, играет ли тот малый на банджо, однако он действительно предложил выпить "Землетрясение" – коктейль его собственного изобретения.

– После этого сознание возвращалось ко мне урывками, – Руперт почесал в затылке.

– Но хоть что-то ты помнишь? – спросил я.

– Почти ничего.

После этой фразы я тоже занервничал. Тупость парня начинала меня раздражать. Пришлось объяснить в простых и ёмких выражениях, что он (хорошо-хорошо, не он, кто-то другой) изнасиловал дочку дна Маурицио. И теперь куча головорезов во главе с разъярённым доном жаждет разорвать насильника в клочья.

– Или порезать на ремни, – предположил я. – Что тоже, согласитесь, малоприятно.

Капитан пожелал вершить суд законным образом, и только этот каприз стоит между итальянскими громилами и Рупертом.

– И единственный способ вынуть голову из петли, – внушал я, – которая уже накинута на вашу хрупкую шею, это вспомнить в деталях, что происходило в тот день. Найти хотя бы намёк на алиби.

На протяжении всего монолога, Руперт внимательно смотрел на мои губы. Мне показалось, что так он лучше понимает – не ушами, а глазами. Когда я закончил, он пролепетал, краснея:

– Помню, как я орал на верхней палубе. Уже ночью.

– Зачем?

– Хотел перекричать ветер. Потом залез в спасательную шлюпку. Там меня вырвало.

Он замолчал.

– Это всё?

– Всё.

– Паршиво.

Я вдруг почувствовал себя врачом. Врачом пациента, который отказывается жить. А как можно выздороветь, если нет желания бороться?

Оставалась только последняя, микроскопическая надежда. Я показал на повязку на левой руке Руперта и спросил, что там? Что с его безмянным пальцем? Он ответил, что палец откусила огненная фурия.

– Матросы на юте ловили рыбу, забросили сеть. На второй или третий раз им посчастливилось вытянуть фурию – моряки радостно загалдели, я подошел посмотреть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.